

веков – и отъявленной новорусской феи. Там Константин Луцкий (в комедии – Томский) аккурат в мгновение кардинальной перемены дат проваливался сквозь старинное зеркало и оказывался (в буквальном смысле) в шкуре Вована из Раменок, гендиректора инвестиционно-маркетингового холдинга "Конкремтика", и наоборот... Причем дела у героев продолжали идти вполне успешно. Прежние тамошние лохи расслаблялись у Вована на буль-гам, колготки и бандажную жбанку, а теперешним и тутошним бакланам Константин Львович успешно прививал начатки хороших манер и цивилизованного бизнеса... "На свете все одно и то же" – мысль богатая, но на пьесу ее недостало, и автор в finale комедии забрасывает героев еще подалее – Владимир Егорыча в начало XXII века, Константа – в начало XVIII... Но дважды вывороченная личина неизбежно принимает первоначальный вид, пафос сочинения остается прежним, а концы с концами несведенными. Зато фарс вполне можно играть под музыкальное сопровождение оркестра сотовых телефонов...

Трагедия называется "Гамлет. Версия (трагедия в двух актах)" и представляет собою ровно то, что указано в названии. Гамлет там толстый и ховиальный, что само по себе и не ново; Гертруда раскаивается и кончает жизнь самоубийством; Розенкранц и Гильденстерн, как у Стольпера, гибнут не за понюх табаку; а прочие труппы нагромождают интриги, зачурченная Горацио (в трагедии Горацием), агентом Фортинбраса. "Могу копать, могу не копать", – говорил в старом анекдоте молодой специалист. Выпускник Витенбергского университета Гораций, однокашник Гамлета, Розенкранца и Гильденстerna, любит копать глубоко, пока прочие персонажи предпочитают зияться и лоховать, так что в вырытую яму проваливается все Датское королевство. И патрону Горация, норвежскому королю, остается только наклониться, чтобы подобрать его...

К недостаткам трагедии отнесем очень уж неряшливый стих, как будто адаптированный к вероятному исполнению в стиле рэп.

Вот театр Акунина: абсолютно плотская любовь, занимательность сродни охотничьему азарту, химически чистое злодейство, простенькая зеркальная симметрия, нарочитый имморализм (особенно удивительный под пером автора, который в последний свой роман вмонтировал целый трактат об одной нравственной дилемме)... Впрочем, этот механический агрегат по производству интриги и накручиванию фабулы отложен безуказненно. И тут кроется наша главная к нему претензия – отсутствие той плодотворной разлаженности, которая, по Лотману, порождает новые смыслы.

Юрий ЮДИН

Драма на охоте

Борис Акунин.

Трагедия. Комедия.

М., "Олма-пресс", 2002

Акунинская "Чайка" казалась эпизодом, но задним числом осмыслилась как ход напрашивающийся: отчего же в самом деле мастеру детектива и искусному стилизатору не попробовать было свои силы на театральном поприще... После Трагедии и Комедии, изданных под одной обложкой, впору уже говорить о театре Акунина.

Комедия называется "Зеркало Сен-Жермена (святочная история в двух действиях)" и изготовлена из прежнего акунинского рассказа "Проблема 2000", который уже в книжке "Сказки для идиотов" казался несколько искусственно пристегнутым к циклу прозаических басен. По жанру он представлял из себя не басню, но притчу, чтобы не сказать параболу; но основной интерес его заключался в столкновении речевых пластов: несколько манерной речи уже посеребренного рубежа XIX – XX